

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
[198]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
(11)

Редакционный совет:

академик РАО, д. и. н., Л. С. Белоусов (сопредседатель);
акад. РАН, д. и. н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);
д. и. н., проф. Н. С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Л. И. Бородин;
д. и. н., проф. А. Г. Голиков; д. и. н., проф. С. В. Девятков;
д. и. н., проф. О. Е. Казьмина; д. и. н. А. Р. Канторович;
д. и. н., гл. н. с. Л. В. Кошман, Н. В. Литвина; д. и. н., проф. Г. Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. С. В. Мироненко, к. э. н. С. В. Орлов;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Е. И. Пивовар;
д. и. н. А. В. Подосинов; д. филол. н., проф. О. В. Раевская;
к. и. н. Ю. Н. Рогулев; д. и. н. С. Ю. Сапрыкин,
член-корреспондент РАН, д. иск., проф. В. В. Седов;
д. э. н., проф. В. В. Симонов; к. и. н. О. В. Солопова;
к. и. н. А. А. Талызина

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
FACULTY OF HISTORY

Ivan A. Ladynin

**PTOLEMY, SON OF LAGUS,
AND THE PRIESTS OF BUTO.
THE SATRAP STELA
(EGYPTIAN MUSEUM, CAIRO, 22182):
HIEROGLYPHIC TEXT, TRANSLATION
AND COMMENTARY**

Moscow – St. Petersburg
Publishing House RHGA
2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

И. А. Ладынин

**ПТОЛЕМЕЙ, СЫН ЛАГА, И ЖРЕЦЫ БУТО.
«СТЕЛА САТРАПА»
(ЕГИПЕТСКИЙ МУЗЕЙ, КАИР, 22182):
ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ, ПЕРЕВОД
И КОММЕНТАРИЙ**

Москва — Санкт-Петербург
Издательский дом РХГА
2022

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
Л15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 21-19-00159, не подлежит продаже*

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 03.06.2021 г. (протокол № 4)*

Р е ц е н з е н т ы:

*А. Е. Демидчик, доктор исторических наук, профессор кафедры Древнего Востока
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета*

*Ю. Н. Кузьмин, кандидат исторических наук, доцент, Самарский филиал
Московского государственного педагогического университета*

Ладынин И. А.

Л15 Птолемей, сын Лага, и жрецы Буто. «Стела сатрапа» (Египетский музей, Каир, 22182): Иероглифический текст, перевод и комментарий. М.; СПб.: Издательский дом РХГА, 2022. — 228 с. — (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 198. Сер. II: Исторические источники, 11).

ISBN 978-5-6044373-0-8

Предлагаемое издание содержит публикацию иероглифического текста, перевод и комментарий «Стелы сатрапа» 311 г. до н. э., происходящей из района г. Буто в Нижнем Египте — важнейшего источника по политической истории и идеологии древнего Египта конца IV в. до н. э., взаимоотношениям его местной элиты и новой македонской власти, вставшей во главе страны за два десятилетия до этого, в результате завоевания Александром Великим.

Для историков древности, студентов исторических факультетов, всех интересующихся историей древнего Египта и эллинистического мира, историей и культурой древности в целом.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-6044373-0-8

© И. А. Ладынин, 2022
© Исторический факультет МГУ, 2022
© Издательский дом РХГА, 2022

Первые наброски перевода «Стелы сатрапа» я сделал в 1998 г., уже тогда поставив перед собой задачу со временем его опубликовать, однако, как видно, подошел к ее решению только сейчас. Этот иероглифический текст чрезвычайно важен для понимания того, каким был Египет через двадцать лет после установления над ним власти македонян, когда окончательно определилось начало не только нового этапа в его истории, но и в целом существования самостоятельных государств диадохов в пределах прежней державы Александра Великого. Восприятие этого времени египтянами, их отношение к новым хозяевам их страны и, соответственно, интерпретация данного источника в контексте истории и особенно традиционной идеологии Египта занимали меня гораздо больше, чем формальная работа над нормативным, в моем понимании, переводом текста «Стелы сатрапа» и комментариями к нему. Сейчас результаты этой работы обрели некую завершенность, но, несомненно, и они не окончательны: как раз при подготовке настоящего издания обозначились некоторые новые аспекты, в которых можно рассмотреть текст «Стелы...». Само это издание преследует прежде всего цель публикации иероглифического текста «Стелы сатрапа» с его русским переводом и комментарием реалий, знание которых, как мне представляется, нужно для понимания этого источника. При этом все же за рамками книги остаются многие выводы о концепции «Стелы...» и о ее месте в идеологии позднего Египта, которые я обозначил в своих работах и еще надеюсь опубликовать в синтезированном виде в большом исследовании всего комплекса данных о начале македонского времени в Египте. Пока позволю себе сформулировать два важных вывода, к которым я пришел уже в первые годы работы с текстом «Стелы сатрапа». Во-первых, адекватная интерпретация этого источника возможна только при активном взаимодействии двух дисциплин истории древности — египтологии и антиковедения: мне всегда было радостно, что мои наблюдения над «Стелой сатрапа» и другими египетскими источниками конца IV в. до н. э. вызвали интерес у исследователей эллинизма. Во-вторых (и я знаю, что с этим не согласятся многие коллеги-египтологи), 150-летний опыт исследования «Стелы сатрапа» отнюдь не располагает к тому, чтобы сдать в архив ряд ее исторических интерпретаций, которые были предложены еще на раннем его этапе.

Предлагаемые сейчас перевод и комментарий текста «Стелы сатрапа» я не смог бы подготовить без активного содействия моих друзей и коллег. Важной методологической основой моей работы с явлениями мировоззрения древнего Египта стали достижения петербургской (ленинградской) школы египтологии: для меня были чрезвычайно значимы исследования принадлежащих к ней ученых и в особенности внимание к моим выступлениям и публикациям, критические замечания к ним со стороны А. О. Большакова и А. Е. Демидчика. Мои знания о времени Александра и о начале эллинизма пополнялись и уточнялись в общении с такими исследователями, как О. Л. Габелко, О. Ю. Климов, Ю. Н. Кузьмин, Э. В. Рунг, С. Ю. Сапрыкин, М. М. Холод. Концепция «Стелы сатрапа», отразившиеся в ней реалии и ее языковые явления входили в число множества сюжетов древней (и не только) истории, которые мне довелось обсуждать с А. А. Немировским. Серьезное соприкосновение с академической египтологией началось для меня во время стажировки в Трирском университете в 1999 г., где меня принимал крупнейший исследователь египетских текстов греко-римского времени проф. Э. Винтер: с ним я обсуждал ряд особенностей «Стелы сатрапа», и он предоставил мне фотографии ее текста, которые я использовал в своей работе. Тогда же русскоязычную рукопись моей первой статьи о «Стеле сатрапа» прочитал с вниманием и со снисходительностью к ее недостаткам, которую было невозможно заметить при его деликатности, друг многих российских исследователей древности проф. Х. Хайнен; позднее, в 2002 г., я побывал на стажировке у него в Трире, во время которой выступил с докладом о термине *Stt* в «Стеле сатрапа» и других поздних текстах. Издание важнейшего исследования «Стелы сатрапа» мне предоставила его автор Д. Шефер (Трирский и Тюбингенский университеты), а многие недоступные в России публикации помогли получить А. А. Ильин-Томич (Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга) и Н. А. Тарасенко (Институт востоковедения имени А. Е. Крымского НАНУ). Разумеется, мое обращение к этому источнику было бы невозможно без обучения и работы на кафедре истории древнего мира исторического факультета Московского университета — без изучения древнеегипетского языка у О. В. Томашевич, без поддержки В. И. Кузищина, С. Ю. Сапрыкина, других моих учителей и коллег. Я благодарен Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку научных проектов, в рамках которых проводил исследования «Стелы сатрапа» и работал над первыми вариантами ее перевода (гранты 05-01-01225, 15-01-00431), Германской службе академического обмена (DAAD) — за поддержку моих стажировок в Трирском (1999, 2002) и Тюбингенском (2012) университетах, в ходе которых я собрал важнейшие для своей работы материалы, Российскому фонду фундаментальных исследований — за поддержку публикации настоящего издания в рамках последнего в его истории конкурса издательских проектов (грант 21-19-00159). Г. Колбэрн (Университет Мичигана) и Музей истории искусств в Вене предоставили мне качественные фотографии памятников («Стелы сатрапа» и статуи Wien ÄS 20), которые использованы в этом издании. Глубоко признателен издательству Русской христианской гуманитарной академии за уже многолетнее сотрудничество, которое

продолжается теперь этой, несомненно, трудной в работе книгой. Моя ученица К. С. Кузьмина согласилась внимательно просмотреть рукопись и оригинал-макет книги при ее подготовке к изданию. Конечно, этот перечень не исчерпывает всех, кто помогал мне и кому я за это искренне благодарен.

В заключение напомним тот общеизвестный факт, что российские гуманитарии, в отличие от зарубежных коллег, пишут свои работы дома. Свидетелем многих дней работы над подготовкой этого издания к печати был мой сын, в свои три года уже узнавший, что эта часть моей жизни называется «Египет». С надеждой на прощение за то, что эти (и не только эти) дни были посвящены больше «Египту», чем общению с ним, посвящаю ему эту книгу.

25 августа 2021 г.

И. Ладынин

ВВЕДЕНИЕ

В 1870 г. Мохаммед Эфенди Хуршид, главный хранитель Музея Булак (будущего Египетского музея в Каире), обнаружил в каирской мечети Шейхун вделанную в фундамент небольшого помещения плиту, оказавшуюся стелой с рельефным изображением в навершии и с обширным иероглифическим текстом [Mariette, 1872, p. 3]. По мнению некоторых исследователей, первоначально этот памятник был воздвигнут в Саисе (PM IV. 49) [Bianchi, 1984, Sp. 492]; однако это мнение базируется исключительно на упоминании Саиса в иероглифическом тексте памятника в (стк. 11, Urk. II. 18.6), каковое, на самом деле, едва ли указывает место его происхождения (см. «Стела сатрапа», III.1.6, комм. «й»). Поэтому совершенно оправданным нам представляется суждение Д. Шефер о том, что, вероятнее всего, памятник происходит из Буто, в пользу храмов которого и был составлен его текст [Schäfer, 2011, S. 31]. В настоящее время памятник хранится в Египетском музее в Каире (CG 22182 = JE 22263) [Kamal, 1904, t. 1, p. 168–171; t. 2, pl. LVI]. Стоит упомянуть, что его слепок был приобретен для Музея изящных искусств в Москве во времена его создания в 1900-е — в начале 1910-х гг. и в настоящее время хранится в филиале ГМИИ имени А. С. Пушкина — Учебно-художественном музее имени И. В. Цветаева¹.

Стела изготовлена из черного гранита и имеет 1,85 м в высоту и 1,18 м в ширину (PM IV. 73) Навершие стелы скруглено, и в нем размещен ряд рельефных изображений (см. описание и перевод сопровождающих их надписей: «Стела сатрапа», I²). По своему художественному стилю рельефы «Стелы сатрапа» близки некоторым другим памятникам рубежа эпохи фараонов и египетского эллинизма (например, рельефам времени Нектанеба II и Птолемея II Филадельфа из Бехбейт эль-Хагара, Галерея Уолтерса, Балтимор, 22.201 и 22.200) [Bianchi, 1984, Sp. 492; cf. Steindorf, 1946, p. 75, 76; pls. LIV, XLIV (nos. 254, 257)]. Основная часть текста «Стелы сатрапа» размещена в 18 строк, расположенных ниже рельефа; в центре памятника

¹ URL: https://pushkinmuseum.art/data/fonds/cvetaev_museum/sl_1_1/sl_1_1_337/index.php

² Здесь и далее мы даем отсылки к фрагментам текста источника и к соответствующим комментариям, согласно нашей рубрикации в разделе «“Стела сатрапа”: иероглифический текст, транслитерация, перевод и комментарий».

на нижнюю половину стк. 14, стк. 15 и верх стк. 16 приходится повреждение, которое, однако, препятствует установлению текста только в стк. 15 (см.: Urk. II. 20.6; «Стела сатрапа», III.2, комм. «к»). Примечательно четкое членение текста: первые 6 полных строк посвящены характеристике личности сатрапа Птолемея и его деяний конца 310-х гг. до н. э. («Стела сатрапа», II), а с начала 7 строки идет изложение истории земельного угодья «Земля Уаджит», закрепление которого по решению сатрапа Птолемеем за храмами Буто и фиксировал текст «Стелы...» (см. там же, III).

Общепринятое название данного памятника — «Стела сатрапа» — связано с тем, что в нем приведен декрет сатрапа Египта Птолемея, сына Лага, закрепляющий владение под названием «Земля Уаджит» за храмами Буто (см. «Стела сатрапа», III.2) и, соответственно, единственный раз во всем известном корпусе древнеегипетских иероглифических текстов употреблено само слово «сатрап» (стк. 13, Urk. II. 19.7; см. там же, комм. «в»). Язык текста «Стелы сатрапа» — позднесреднеегипетский, с особенностями передачи звучания отдельных слов (см. там же, II.1. комм. «з», II.3.в, комм. «и», III.1.а, комм. «и», III.2, комм. «е—ж») и начертаний иероглифических знаков (см. там же, II.2, комм. «с», II.3.д, комм. «б», III.1.а, комм. «н») и с некоторыми грамматическими формами (см. III.1.а, комм. «ж», начало, III.4, комм. «б»), характерными для иероглифических текстов IV в. до н. э. и далее сохраняющимися в птолемеевское время (см. удобную и компактную характеристику таких написаний в публикации современной «Стеле сатрапа» т. н. Неаполитанской стелы гераклеопольского вельможи Сематауитефнахта: [Perdu, 1985, p. 92–95]). Отдельные значения иероглифических знаков (см. «Стела сатрапа», II.2, комм. «з», «н») и лексемы (см. там же, II.2, комм. «о») в тексте «Стелы сатрапа» уникальны. На протяжении 2010-х гг. ряд исследователей высказали мнение о влиянии на стилистику одного из фрагментов текста «Стелы...» — «Панегирик Птолемею» — произведений классической среднеегипетской литературы начала II тыс. до н. э. («Рассказа Синухета» и «Пророчества Неферти»; там же, II.2, комм. «в», «е», «и», «м», «с»; см. особенно подробно: [Morenz, 2011, S. 118–122; Oskinga, 2018, p. 168–180]).

«Стела сатрапа» датирована 3^{ht} I Года 7 формального царствования в Египте Александра (IV), сына Александра Великого и Роксаны (стк. 1, Urk. II. 12.12–13.2), т. е. ноябрем-декабрем 311 г. до н. э. (см. «Стела сатрапа», II.1, комм. «а»). В целом правление Птолемея, сына Лага, в Египте в качестве его сатрапа продолжается около двадцати лет (с приобретения им власти над этой страной при распределении сатрапий после смерти Александра Великого в 323 г. до н. э. и до его воцарения в Египте в 305/4 гг. до н. э.): этот период составляет большую часть периода формального царствования в этой стране дома Аргеадов и при этом достаточно неоднороден в плане как объема реальной власти Птолемея, так, в определенной мере, и ее оформления (см. далее подробно: «Исторический контекст “Стелы сатрапа”»: Египет при Аргеадах (332–305/4 гг. до н. э.)). По существу, переломным этапом в истории этого периода стала третья война диадохов 315–311 гг. до н. э.: победа Птолемея и Селевка над Деметрием в битве при Газе в конце 312 г. до н. э. была

оценена как триумф, эффект которого не был «погашен» даже неудачами кампании 311 г. до н. э., когда Птолемей был вытеснен из Восточного Средиземноморья, тем более что за этим последовал мир 311 г. до н. э. с фактическим признанием независимого статуса диадохов. Неудивительно, что именно 312/1 г. до н. э. был оценен как начало некоей новой эпохи в истории Египта, якобы ознаменованное даже очередным явлением феникса [Ладынин, 2017, с. 117–118]. Судя по датировке «Стелы сатрапа», этот памятник и был создан на протяжении египетского календарного года, начавшегося в месяц, который указан в датировке (весьма вероятно, что отнесение памятника к первому месяцу данного года условно) и соответствует 9 ноября — 8 декабря 311 г. до н. э. [Beckerath, 1997, S. 198–199]. Как представляется, создание памятника пришлось на время уже после заключения мирного договора диадохов осенью 311 г. до н. э. [Voü 2007, p. 65, 146, 150], и его текст отражает восприятие власти сатрапа Птолемея в данной ситуации.

Строго говоря, «Стела сатрапа» не является царским памятником: собственно, на протяжении формального царствования в Египте малолетнего Александра (IV), находившегося, как и все Аргеады, за пределами Египта, царский памятник в точном смысле слова не мог быть создан. Вместе с тем назначение «Стелы...» состояло в том, чтобы зафиксировать закрепление сатрапом Птолемеем угодья под названием «Земля Уаджит» за храмами Буто. Нет сомнений, что инициатива создания этого памятника должна была принадлежать жречеству этого храмового центра, заинтересованному в закреплении за собой этого земельного владения, притом что именно египетское жречество еще в домакедонское время систематически генерировало мотивы официальной идеологии и принимало на себя функцию оценки в ее категориях царской деятельности (см. подробнее: [Ладынин, 2013 (3), с. 22–28]). Однако в рамках традиционных египетских представлений верховным распорядителем всех земельных угодий страны мог быть только легитимный сакральный царь, и только от него могли исходить все земельные пожалования, в т. ч. храмам [Meeks, 1979, p. 626]; соответственно, жрецы Буто оказываются перед необходимостью так или иначе «вписать» образ такого царя в необходимые им гарантии их прав на «Землю Уаджит». По-видимому, одно это, даже независимо от особенностей оформления власти сатрапа Птолемея над Египтом в это время, предопределяло двойственность санкции, которую приобретают их права владения: с одной стороны, в левой части наверху стелы именно легитимный царь Александр (IV) изображен подносящим поле-*sh*t богу Хору (см. «Стела сатрапа», I.2.г.), а текст стелы открывается его титулатурой. С другой стороны, непосредственно за этой титулатурой следует объяснение, почему именно царь не мог осуществить этот акт практически (в силу его пребывания вне Египта), и вводится характеристика властного статуса сатрапа Птолемея, который и осуществляет пожалование (как бы от имени царя, хотя буквально об этом и не говорится), находясь непосредственно в Египте (см. «Стела сатрапа», II.1.). Царская санкция пожалования подкрепляется дополнительно и рассказом о том, что в свое время «Земля Уаджит» была возвращена храмам Буто царем Хаббашем: похоже, что сама детальность этого рассказа

(см. «Стела сатрапа», III.1.) связана как раз с определенной уязвимостью ссылки на волю Александра (IV) и ее реализации правителем нецарского статуса, ввиду чего этот акт разумнее представить не как полностью самостоятельное решение, а как повторение такого же по смыслу, но более легитимного царского решения, имевшего место в прошлом³. Данные мотивы, по которым закрепление «Земли Уаджит» за храмами Буто получало столь множественную санкцию, имели для их жречества самостоятельное значение, однако хорошо сочетались и с двойственностью самой македонской власти над Египтом, в силу которой Птолемей был фактическим правителем страны, но формально действовал от имени Александра (IV) как царя всей державы Аргеадов (см. «Исторический контекст «Стелы сатрапа»: Египет при Аргеадах (332–305/4 гг. до н. э.)»). При этом, коль скоро закрепление «Земли Уаджит» за храмами Буто реализовывалось именно Птолемеем и, соответственно, носило характер и его благодеяния храмам, текст «Стелы...» не мог не быть предельно лояльным к нему и явно вобрал в себя многие мотивы официальной пропаганды данного времени. В таком случае достаточно закономерно, что из египетских памятников начала македонского времени⁴ именно «Стела сатрапа» дала наиболее подробное осмысление статуса Птолемея как полновластного правителя Египта; а естественным образцом для него с точки зрения формы должны были стать более ранние царские тексты. К их числу из текстов IV в. до н. э. может быть причислена «Стела Навкратиса»: определенное сходство ее текста со «Стелой сатрапа» проявляется, в частности, в том, что он тоже распадается на две части — восхваление Нектанеба I и изложение его конкретного решения, связанного с таможенными пошлинами, собираемыми в Навкратисе [Erman, Wilcken, 1900; Brunner, 1992, Taf. 25–26; перевод: Lichtheim, 1977; 1980, p. 86–89].

Значение «Стелы сатрапа» как источника сведений о восприятии правителей Египта начала македонского времени трудно переоценить. По сути дела, скольконибудь сопоставимые по объему нарративы, целенаправленно посвященные характеристике македонского правителя Египта, встречаются нам позднее лишь при

³ Мы благодарны А. Е. Демидчику, специально обратившему наше внимание на значимость этих нюансов в закреплении, согласно «Стеле сатрапа», «Земли Уаджит» за храмами Буто в свете традиционных египетских представлений.

⁴ Здесь и далее для обозначения периода от вступления в Египет Александра Великого в 332 г. до н. э. и до принятия Птолемеем царского титула в 305/4 г. до н. э. мы неоднократно используем термин «начало македонского времени». Думается, что его обозначение «начало эллинизма» было бы небезупречно, поскольку термин «эллинизм» в применении к обществам Ближнего и Среднего Востока имеет в виду их специфическое состояние, характеризующееся интенсивным взаимодействием эллинского и восточного начал в разных сферах жизни, а на протяжении данного периода сами принципы такого взаимодействия только формировались. Говорить же об этом времени как о «начале эпохи Птолемеев» тем более невозможно, поскольку Птолемей стал правителем Египта лишь к концу его первого десятилетия, а легитимным царем этой страны — лишь по его истечении. Представляется, что обозначение данной эпохи по стране и народу, давшим в это время Египту его правителей (по аналогии с «персидским временем» в его истории), было бы оптимально. Об истории этого периода см. далее «Исторический контекст “Стелы сатрапа”»: Египет при Аргеадах (332–305/4 гг. до н. э.).

Птолемею II Филадельфе (восхваление царя в надписи статуи Louvre C123: Urk. II. 76–78; Мендесская стела: Urk. II. 33–36 [Schäfer, 2011, S. 239–276]; Пифомская стела: id. 85–88 [Thiers, 2007; Schäfer, 2011, S. 207–238]; и др.), а для времени формальных царствований Аргеадов в Египте этот памятник уникален. По существу, в тексте «Стелы сатрапа» усилиями жреческой элиты Буто, несомненно, во взаимодействии с македонскими властями Египта сформирована специфическая и, на наш взгляд, не находящая себе аналогов в древнеегипетской идеологии концепция власти Птолемея как особого правителя нецарского статуса. Специальное пространное восхваление — «Панегирик Птолемею», в котором наиболее акцентированы его качества воина и военачальника, — переносит на него значительное число эпитетов, как правило, употреблявшихся в иероглифических текстах в качестве царских характеристик («Стела сатрапа», II.2). В тексте «Стелы...» подробно говорится о деяниях Птолемея: о возвращении им в Египет культовых предметов, некогда захваченных персами (II.3.a), о перенесении столицы в Александрию (II.3.b), о войне в Восточном Средиземноморье (II.3.v) и, как нам представляется, о подавлении восстания в Кирене (II.3.g), — которые однозначно характеризуют его как самостоятельного полновластного правителя. А центральное для текста «Стелы...» событие — закрепление Птолемеем за храмами Буто угодья под названием «Земля Уаджит» (III) — представлено как благодеяние египетскому культу, в воздаяние за которое сатрап Египта приобретает способность внушать страх своим чужеземным врагам, в норме присущую лишь сакральным царям (III.3). Существенно, что в оформлении намерения «Стелы сатрапа» благодеяние храмам Буто не приписано сыну Роксаны даже на уровне формальности: соответствующий ритуал перед богом Хором совершает «условный» царь, титулы которого сопровождают картуши, не заполненные конкретными именами (I.2.a, I.3.a). При этом в описание эпизода предыдущей «реституции» «Земли Уаджит» в пользу храмов Буто, которую осуществил еще в 330-е гг. до н. э. царь Хаббаш, вряд ли случайно вплетено представление о том, что наличие в земном мире правителя с царским титулом не обязательно означает его сакральное полновластие, а реальным сакральным царем в такой ситуации может быть непосредственно бог Хор (III.1.b; см. [Ладынин, 2011 (2), с. 152–156]). По сути дела, мотивы отказа земному царю в сакральной легитимности, которые в ряде частных памятников начала македонского времени обозначают оппозиционность их владельцев новой чужеземной власти [Ладынин, 2016 (1), с. 268–273], в концепции «Стелы сатрапа» ставятся на службу официальной идеологии, теперь решающей задачу умаления полноценного статуса Александра (IV) — очевидным образом, в пользу сатрапа Птолемея. В рамках этой же тенденции примыкает к «Стеле сатрапа» автобиографическая надпись на статуе т. н. «анонима из Баклии», в которой сатрапу Птолемею, по-видимому, приписывается прямое участие в жизни одного из египетских храмов и опять же способность внушать иррациональный страх (Приложение, I). Сформированный таким образом статус сатрапа Птолемея, в котором полнота фактической власти совмещалась с элементами сакральности, представляется уникальным явлением

в идеологическом развитии Египта. Однако достаточно очевиден и его временный характер и неизбежность его трансформации с течением недолгого времени в полноценный царский статус.

Одновременно формируется сложная и продуманная концепция внешней политики сатрапа Птолемея и места возглавляемого им Египта в эллинистической ойкумене. Держава Аргеадов в тексте «Стелы сатрапа» во всем ее объеме, включая Македонию, именуется термином *Stt* («Стела сатрапа», II.1, комм. «ж»), который в других контекстах «Стелы...» относится к державе Ахеменидов, а вообще в I тыс. до н. э. служит стабильным обозначением межрегиональных азиатских держав (там же, II.3.а, комм. «б»; III.1.а, комм. «ж»). Птолемею не приписывается напрямую противостояние с этим государством; однако оно и не считается его владением, как не утверждается в точном смысле слова и власть над ним формального сакрального царя Египта Александра (IV). Войны Птолемея в Восточном Средиземноморье и в Кирене не носят, согласно «Стеле...», инициативного характера, вопреки древней традиции прославления экспансии Египта. На правителя-Ахеменида, ущемлявшего некогда интересы храмов Буто (как нам представляется, Артаксеркса III: см. Экскурс 2) переносятся коннотации, связанные с образом Сета; а внешний по отношению к Египту мир, по-видимому, вообще мыслится средоточием всего злого и враждебного, опасного при соприкосновении даже в ходе экспансии (ср. [Карлова, Ладынин, 2017]). По-видимому, эти изоляционистские мотивы были актуальны для пропаганды сатрапа Птолемея в ситуации, когда, хотя его владения и приобрели фактическую независимость, он все же потерпел военные неудачи в борьбе со своими главными противниками Антигоном и Деметрием. Это делало невозможной для него по-настоящему успешную экспансию в Восточном Средиземноморье и порождало опасения по поводу возможного вражеского вторжения в менее благоприятной ситуации: имея в виду эту потенциальную угрозу, было крайне важно продемонстрировать египтянам и враждебность внешнего мира к их стране и необходимость поддерживать Птолемея как ее защитника. В этом смысле немаловажен и сам поистине огромный объем владений, составляющих пресловутую «Землю Уаджит»: нет сомнений, что закрепление за храмами Буто угодий в объеме практически всей области, центром которой был этот город, даже независимо от того, насколько реальным оказался контроль над ними жрецов в дальнейшем (см. III.2, комм. «л»), был призван обеспечить сатрапу Птолемею максимальную лояльность местной элиты. При этом в «Стеле...» зарождается один из пропагандистских мотивов, становящийся далее стабильным в текстах царей-Птолемеев, — прославление правителя, вернувшего в храмы Египта священные предметы, которые в свое время были похищены персами («Стела сатрапа», II.3.а, комм. «е»).

Было бы чрезвычайно затруднительно дать систематическое подробное представление об истории изучения «Стелы сатрапа». После того, как она была введена в научный оборот первым, еще «сигнальным» по своим задачам переводом Х. Бругша [Brugsch, 1871], ее текст неоднократно переводился, ему были посвя-

щены многие статьи, и он затрагивался в крупных исследованиях, посвященных разным проблемам египтологии и истории эллинизма (см. список литературы и обращения к конкретным исследованиям в комментариях к тексту). На протяжении изучения «Стелы сатрапа» обозначился целый ряд конкретных проблем, связанных с ее интерпретацией: некоторые из них получили вполне однозначное разрешение (например, вопрос о точной датировке «Стелы сатрапа»), некоторые, как нам представляется, продолжают оставаться дискуссионными (вопросы об военной кампании против области, обозначенной в тексте «Стелы...» как «рубеж Ир-мер-а/Мер-мер-а», идентификации чужеземного правителя, упоминаемого в тексте «Стелы...» как «враг *Hšryš(3)*»; см. наши Экскурсы 1 и 2). К сожалению, практически не были осознаны в качестве самостоятельных проблем, принципиальных для определения концепции этого памятника, вопросы об особенностях отразившегося в нем статуса сатрапа Птолемея, о его соотношении со статусом формального легитимного царя Египта Александра (IV) и о роли в концепции «Стелы...» бога Хора как высшего носителя сакральной власти (их мы охарактеризовали выше). Однако вплоть до недавнего времени «Стела сатрапа» вообще не становилась объектом монографического исследования, причем это породило специфическую ситуацию, когда, казалось бы, прочно устоявшиеся, но, так сказать, «неотрефлексированные» должным образом чтения некоторых написаний и пассажей текста «Стелы...» могут оказаться предметом критики (см. [Ладынин, 2020 (1)]).

В 2011 г. итоги более чем столетнего изучения «Стелы сатрапа» были подведены в книге Д. Шефер, содержащей перевод и комментарий этого памятника, а также его оценку в историческом контексте конца IV в. до н. э. и в сопоставлении с важнейшими царскими текстами начала эллинизма — с Пифомской и Мендесской стелами Птолемея II Филадельфа [Schäfer, 2011]. Стоит отметить, что импульс к написанию этой работы (собственно, выбор исследовательской темы для ее автора на уровне магистерской работы и диссертации доктора философии) исходил от антиковеда — крупнейшего исследователя эллинистического Египта Х. Хайнена, придававшего большое значение публикации птолемеевских текстов с богатым историческим содержанием на нынешнем уровне развития науки (см. [Ладынин, 2020 (1), с. 228–229, прим. 2]). В целом работа Шефер достигла своей главной цели: в ней при комментировании текста «Стелы...» учтены практически все высказывавшиеся в связи с его отдельными фрагментами историографические мнения, проведена большая работа по поиску параллелей ее фразеологизмам в египетских текстах, подробно охарактеризованы исторические события, непосредственно описанные в тексте или формировавшие их фон. Однако обращение Шефер к вопросу о соотношении в данном тексте статусов Александра (IV) и сатрапа Птолемея ограничивается не новыми и, на наш взгляд, не исчерпывающими сути дела общими суждениями; проблема, связанная с ролью в концепции «Стелы...» бога Хора, осталась в работе незамеченной. Что же касается вопросов, дискуссионность которых мы отметили выше, Шефер при их обсуждении без колебаний идет за сугубо формальными аргументами, не обращая внимания на сущностные (прежде все-

го исторические) несообразности, возникающие при таких интерпретациях (так, она принимает отождествление «врага *Hšryš(3)*» с Ксерксом на основании сходства написания «Стелы...» с именем этого царя на египетских памятниках и с его собственным персидской формой, не придавая значения тому, что эпизод с его участием вряд ли отстоял бы от событий, непосредственно освещаемых в тексте «Стелы...», почти на 150 лет [Schäfer, 2011, S. 146–151, Komm. 'k']; см. подробно наш Экскурс 2). Такое предпочтение формально-лингвистических аргументов сущностным вообще составляет особенность изучения «Стелы...» на рубеже 2000–2010-х гг. (см. там же), однако, на наш взгляд, небыстречность такого подхода очевидна.

В то же время книга Д. Шефер чрезвычайно полезна как обобщение ранее накопленного материала исследований «Стелы сатрапа» и как основа для более широких обобщений, в которых может быть использован материал этого источника. По-видимому, в определенной степени в порядке реакции на нее (и, конечно, в опоре на собранный в ней обширный материал) ряд исследователей в 2010-е гг. обратились не к частным нюансам текста этого памятника, а к общим вопросам его интерпретации [Colburn, 2016; Gorre, 2018; Ockinga, 2018]. Характерно, что в этих работах прямо ставится вопрос о необходимости осмысления (в определенной мере, переосмысления) содержания «Стелы сатрапа» в контексте общей проблемы взаимоотношений между новой греко-македонской властью Египта и его местной элитой, причем, ожидаемым для последнего десятилетия образом, декларируется необходимость отказаться при этом от моделей, сформированных эпохой европейского колониализма [Gorre, 2017, p. 51]. Безусловно позитивным моментом в этих работах представляется осознание их авторами упомянутых нами нестыковок, которые порождаются чисто формальными трактовками: так, применительно к пресловутой проблеме «врага *Hšryš(3)*» им понятны исторические слабости его отождествления с Ксерксом. Вместе с тем как раз в данном контексте в этих работах проявляется другая методологическая крайность — склонность отказать данному эпизоду в историческом содержании вообще и увидеть в нем в чистом виде топос, встраивающийся в систему своего рода символического взаимодействия представителей элиты Буто с сатрапом Птолемеем.

«Стела сатрапа» известна отечественным египтологам с давних пор (достаточно сказать, что первым обращением к ней в нашей науке было, по-видимому, обсуждение некоторых ее фрагментов в переписке В. С. Голенищева и Б. А. Тураева [Голенищев, 1987]; см. отсылки к конкретным письмам далее), однако, как правило, она не становилась предметом их специального внимания. Лишь недавно появился ее полный русский перевод [Панов, 2020], однако его автор прокомментировал лишь некоторые особенности языка этого текста и не исследовал его исторического содержания. Между тем, как мы постарались показать выше, его подробная интерпретация представляет безусловный интерес как для египтологов, так и для исследователей эллинистического времени. В силу этого издание перевода этого текста на русский язык в сопровождении подробного комментария представляется нам актуальным.

В задачи нашего издания, безусловно, не входит исчерпание всех вопросов, которые порождает данный источник. Помимо собственно публикации текста «Стелы сатрапа» и его перевода, а также решения ряда вопросов, связанных с пониманием его отдельных фрагментов, мы стремимся прежде всего дать комментарий основным реалиям, которые получили отражение в этом тексте. При этом, с одной стороны, нам представляется необходимым соотнести их с событиями политической истории Египта последней трети IV в. до н. э. С другой стороны, составители текста «Стелы сатрапа» осмысливали статус Птолемея, сына Лага, а также иных правителей Египта (Александра (IV) и Хаббаша, признанного царем на некоторое время в середине 330-х гг. до н. э.), в категориях египетской картины мира, связанных с местом в ней сакрального правителя. Важнейшей методической основой для интерпретации этих категорий нам представляются наработки петербургской (ленинградской) школы египтологии, которые в большей своей части, по понятной причине *Rossica non leguntur*, неизвестны в зарубежной египтологии и не использовались в интерпретации «Стелы сатрапа». Апелляция к наблюдениям и выводам ученых этой школы (Ю. Я. Перепелкина, О. Д. Берлева, А. О. Большакова и А. Е. Демидчика) позволяет, как нам представляется, прийти к адекватному пониманию ряда аспектов «Стелы...», связанных с ее идеологической концепцией, и представить себе эту концепцию в целом (см., в частности, ее общую характеристику выше).

К публикации «Стелы сатрапа» мы добавляем также публикацию надписей двух египетских частных памятников начала македонского времени — статуй неизвестных нам по именам вельмож из Мемфиса и из Баклии в XV номе Нижнего Египта (Приложение). Эти два текста исчерпывают упоминания сатрапа Птолемея в иероглифических источниках, и их содержание служит интересным дополнением к материалу, предоставляемому нам «Стелой сатрапа».

* * *

В настоящем издании транслитерация древнеегипетских текстов выполнена по правилам, принятым в учебнике А. Х. Гардинера [Gardiner, 1957], но с использованием знаков *z* и *q*; собственные имена в транслитерации начинаются с заглавного знака. В нашей транслитерации круглые скобки обозначают восстановление частей слов или отдельных слов, не выписанных в силу особенностей графики; квадратные — восстановление разрушенных мест или лакуны на их месте; косые скобки — слова, восполненные по смыслу для ясности. Индексация египетских иероглифических знаков в соответствии с Signlist'ом «Египетской грамматики» А. Х. Гардинера [Gardiner, 1957, р. 432–531] и каталогом знаков греко-римского времени, подготовленным на базе Университета Поля Валери (Монпелье, Франция) [Valeurs phonetiques..., 1988–1995], оговаривается с помощью специальных сокращений (соответственно, GG(SL) и Montpellier); в случае, если индекс знака приводится без таких сокращений, он соответствует индексации в программе

иероглифического набора JSesh⁵. Упоминаемые нами события древнеегипетской истории в основном укладываются в диапазон I тыс. до н. э.: при их датировке мы опираемся в основном на обобщающую работу «Древнеегипетская хронология» [Ancient Egyptian Chronology, 2006; ср. в связи с периодом XXVIII–XXX династий: Ladynin, 2013]. Определение продолжительности годов и месяцев в соответствии с египетским календарем, а также конверсия датировок по нему в современные для периода 330–300-х гг. до н. э. даются согласно изданию: [Beckerath, 1997, S. 198–199]. Соответствия лет царствований Аргеадов в Египте годам современного календаря приводится согласно изданию: [Pestman, 1967, p. 10–13]. Необходимые уточнения по вопросам хронологии мы даем в нашем тексте. Цитируемые переводы текстов источников, если они приведены без указания их автора и отсылки к соответствующему изданию, выполнены нами.

⁵ URL: <https://jsesh.qenherkhopeshef.org/> (дата обращения: 20.03.2021).

Таблица 1. «Сте́ла сатрапа»: общий вид (по: [Kamal, 1904–1905, t. 2, pl. LVI])

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
Введение	8
Исторический контекст «Стелы сатрапа»: Египет при Аргеадах (332–305/4 гг. до н. э.)	18
«СТЕЛА САТРАПА»	34
I. Надписи на вершине стелы	34
II. Основной текст «Стелы сатрапа»: сатрап Птолемей и его деяния в конце 310-х гг. до н. э.	44
III. Основной текст «Стелы сатрапа»: история «Земли Уаджит» и распоряжение о ней сатрапа Птолемея	91
Основной текст «Стелы сатрапа» (сводный)	144
Экскурс 1. К идентификации кампании сатрапа Птолемея против «рубежа Ир-мер-а/ Мер-мер-а»	148
Экскурс 2. «Враг <i>Hšryš(š)</i> » в исследованиях «Стелы сатрапа» конца XIX — начала XXI вв.	160
Приложение: Частные надписи начала македонского времени с упоминаниями сатрапа Птолемея	174
I. Надпись на статуе «анонима из Баклии» (Национальный музей Карфагена, Тунис, 883.1)	174
II. Надпись на статуе «мемфисского анонима» (египетская коллекция Музея истории искусства, Вена, 20)	184
Литература	191
Сокращения	213
Карта	217
Таблицы	218